

ПРЕДИСЛОВИЕ АЛЕКСЕЯ ИСАЕВА

Эта книга написана человеком, который участвовал в операциях психологической войны (или psy-ops, как их называют наши вероятные партнеры) в крупных и значимых операциях Великой Отечественной. 22-летний Александр Некрич попал на фронт в декабре 1942 г. в составе 2-й гвардейской армии, когда эта армия отбивала попытку Манштейна прорваться на вырубку Паулюсу. Когда я пересматривал в последнее время фильм «Горячий снег», не мог отделаться от мысли, что где-то там, в штабе Малиновского (Г. Жжёнова) есть молодой человек, имя которого станет широко известным много лет спустя после войны. Тогда, в 1942—1943 гг., советские «пси-опс» скрывались за тусклым наименованием «7-й отдел политотдела» армии. На Миус-фронте летом 1943 г. проводившиеся им допросы пленных стали одним из средств выявления факта прибытия танкового корпуса СС. Некрич с передовой через громкоговоритель уговаривал солдат и офицеров противника сдаваться, и к его словам прислушивались, становясь перебежчиками.

В наградном листе с представлением к ордену Отечественной войны II степени написано: «Под

влиянием нашей пропаганды имеется много случаев перехода немецких солдат к нам в плен». Пропаганда через громкоговоритель велась с дистанции в несколько сот метров от вражеских окопов. После войны Александр Некрич выбирает научную стезю и в 1950 г. становится сотрудником Института истории Академии Наук СССР. Как научный сотрудник, он пишет сначала кандидатскую диссертацию «Английская политика в Европе накануне 2-й мировой войны», а затем и докторскую — «Внешняя политика Англии в годы второй мировой войны (сентябрь 1939 — июнь 1941 г.)». Специализация просматривается вполне однозначно — международная политика.

Однако, как и многих людей того поколения, его мучил вопрос о причинах катастрофического начала войны. Здесь Некрич был не одинок. Такими же вопросами задавался Константин Симонов. Ответы, которые пытались давать в 1960-е, часто были наивными, а то и просто неправильными. Первопричиной этого был недостаток информации. Боевые документы частей, соединений и объединений Красной Армии в 1950–1960 гг. были закрыты грифами «Секретно» и «Совершенно секретно». Издававшиеся еще со сталинской поры «Сборники боевых документов Великой Отечественной войны» тоже были грифованными и доступными далеко не всем. Не говоря уж о том, что без данных противника даже взрывной силы отчеты советских мехсоединений 1941 г. не давали полной картины происходившего. Попытки же давать простые ответы на сложные вопросы в па-

радикале XX съезда («Сталин не верил», «Армию обезглавили») закономерно приводили к искаженной картине событий.

Почему ответы не были даны со стороны тех, кто имел доступ к оперативным документам Красной Армии и документам планирования? Во-первых, с формальной точки зрения многие документы оставались на секретном хранении и были недоступны тем, кто писал военно-исторические труды. Парадокс, но появление комиссии А. П. Покровского с опросом советских военачальников после войны о событиях 1941 г. объяснялось в том числе отсутствием доступа к первоисточникам как самого Покровского, так и его коллег. Во-вторых, военных эпохи холодной войны опыт Великой Отечественной войны интересовал в сугубо практическом смысле. Нужны были наработки, применимые при штатном развитии событий в случае перерастания войны холодной в войну горячую. Причем необязательно с пусками МБР по городам противника. Советская школа вовсе не исключала войны обычными вооружениями или с ограниченным использованием тактического ядерного оружия. В этом разрезе скорее ожидалось применение опыта прорыва фронта второй половины войны. В какой-то момент на сцене появилось тактическое ядерное оружие и опыт Великой Отечественной войны стал если не абстрактной схоластикой, то чем-то достаточно отвлеченным. Еще один фактор, который нельзя сбрасывать со счетов: участники войны в немалых званиях занимали высокие посты в советской военной и политической

иерархии. Соответственно копание в их неудачах по архивным документам могло привести к неоправданным последствиям для карьеры. Путь каждого из них через бури войны, например министра обороны Р. Я. Малиновского или самого генерального секретаря Н. С. Хрущева, вовсе не был усеян розами. Всегда можно было найти эпизоды, дающие повод для упреков.

В этих условиях Александр Некрич решает зайти на тему 1941 г. с другого ракурса, опираясь на доступные ему документы из западных архивов. Если обратить внимание на ссылки в книге, то они идут именно на доступные на Западе документы. Например, на сборник документов германской внешней политики (*Documents of German Foreign Policy — DGFP*). К слову, о ссылках, нельзя не отметить вот еще что. Первой ссылкой в книге Некрича идет ссылка стенографический отчет того самого XX съезда с разоблачением культа личности. «Совпадение? Не думаю!» — как сказал бы популярный телеведущий нашего времени.

Об истории написания книги нам известно не так много. С одной стороны, А. Некрич написал целую книгу воспоминаний, в том числе с изложением истории книги «1941, 22 июня». Однако произошло это в изданной уже после эмиграции в Лондоне в 1979 г. книге с броским названием «Отрешись от страха» с главами вида «Судороги сталинского режима» (прямо «Маньяк жарил и ел печень своих жертв» в бульварном листке 1990-х). При всем уважении, позволю себе не поверить в 100 % искренность автора строк книги, появив-

шейся именно там и именно тогда. Практически в окопе для psy-ops. Кроме того, нельзя не заметить, что созданию книги посвящена одна глава и в ней больше процесса «проталкивания», чем собственно написания. Рискну даже предположить, что реальная история работы над книгой оказалась бы не востребованной лондонским заказчиком и неполиткорректной в парадигме «непримиримый борец со сталинизмом».

Впрочем, есть на страницах «Отрешись от страха» пассаж, который вряд ли был продиктован политической конъюнктурой: «Книга «1941, 22 июня» была мною написана «на одном дыхании», т.е. легко и свободно, без оглядки на возможные последствия, при минимуме привычной самоцензуры. С того момента как я начал писать, я попытался отбросить всякие иные соображения, но писать лишь то, что само просилось на бумагу»¹. Относительно темпов написания книги лукавить не было никакого смысла. Как моцартовская легкость, так и «это был долгий, утомительный поиск» фактически равноценны в плоскости идейного посыла. Одновременно Некрич сообщает, что задумал книгу еще возвращаясь с фронта, т.е. сбор материалов и размышления над ними так или иначе велись лет десять, если не больше.

Может быть, отредактированный, лишенный цензурных правок вариант, изданный в 1965 г., стал еще лучше? К сожалению, это не так. Нет

---

¹ Некрич А. Отрешись от страха. Воспоминания историка. Лондон: 1979. С. 212.

ничего более страшного, чем разочаровавшийся романтик. Не раз и не два в моей жизни мне приходилось встречать людей, исповедовавших в юности социалистические (коммунистические) идеалы, но в силу тех или иных обстоятельств оказавшихся разочарованными в них. Часто с яростью неопитов они бросались в новые верования, самого широкого спектра. Кто в условные «западники», кто в условные «славянофилы». Александру Некричу тут крупно «повезло»: ему пришлось пережить ломание об колено как Системой (звучит так себе, но по-другому не скажешь) так и бывшими коллегами. Травлю Некрича иначе как безобразной назвать нельзя. Аргументация с опорой на факты заменялась в ней пассажами вида «Отход от марксистско-ленинской классово-позиции — характерная черта книжки «1941. 22 июня», главная причина ее научной несостоятельности»¹. Причем выдвигались претензии в том числе совершенно дурацкие, вида «раз в многотомной истории войны написано, что пограничники бдили и охраняли, то агентуры в приграничных областях быть не могло».

Травля с запретом книги и частичным уничтожением ее тиража, исключение из партии с последующей эмиграцией в итоге возымели свой негативный эффект. Идеалы молодости были отброшены, но появившаяся на их обломках новая книга «1941. 22 июня» оказывается куда слабее оригинала. В ней больше обиды и борьбы, чем той моцартовской лег-

---

¹ Рецензия за подписями Г.А. Деборина и Б.С. Тельпуховского в журнале «Вопросы истории КПСС». 1967. № 9.

кости изложения давно изученных автором фактов и последовательности событий одноименной книги 1965 г. издания. Грамотного академического историка сломали, потом посадили в окоп для psy-ops с крайне негативными для науки последствиями. О результативности psy-ops судить тут не берусь.

Книгу, напечатанную гигантским по нынешним временам тиражом в 50 тысяч экземпляров, написал человек левых взглядов, веривший в те идеалы, что ему пришлось защищать в военной форме в 1942–1945 гг. Как профессиональному историку, Некричу удалось нарисовать широкую картину международной политики, предшествовавшей 22 июня 1941 г. Он четко указывает на контакты финского Генштаба и Генштаба Германии еще зимой 1940–1941 гг. Пусть кратко, но емко Некрич обрисовывает взаимоотношения СССР и Болгарии в последние предвоенные месяцы. Некрич регулярно обращается к мировой прессе и ее сообщениям и прогнозам о развитии событий до самых последних дней перед 22 июня 1941 г. Все это весьма любопытно и актуально в наши дни. Тем более что нам самим довелось в прямом эфире наблюдать начало нескольких войн, пусть и меньшего масштаба, чем Великая Отечественная.

Затрагивая сугубо военные вопросы, Некрич постоянно оговаривается: «по мнению военных специалистов». В итоге автор «22 июня» верит на слово тезисам о деспотичном Г. И. Кулике, вставившем палки в колеса производителям хороших пушек. Более банальный ответ, что по 45-мм противотанковым и 76-мм дивизионным пушкам

план был выполнен и производственные мощности задействовали для других направлений, не рассматривался. Реальная готовность укрепленных районов, реальный потенциал «линии Сталина» на старой границе Некричем проговариваются так, как в военно-исторической литературе того времени, т.е. никак. История с постройкой бетонных взлетных полос на аэродромах приграничных округов тоже освещается по обрывкам сведений об этом процессе, просачивавшимся в открытые издания. Даже слова «бетонная» и «ВПП» не употреблялись. Что это была за модернизация, читателю (да и самому Некричу) остается неизвестно.

Вместе с тем, Некрич ухватил суть вопроса с модернизацией аэродромной сети. В отчете штаба Западного фронта о действиях ВВС фронта за 1941 г. указывалось:

«Несмотря на предупреждения о том, чтобы ВВП строить не сразу на всех аэродромах все же 60 ВПП начали строиться сразу. При этом сроки строительства не выдерживались, много строительных материалов было нагромождено на летных полях вследствие чего аэродромы были фактически выведены из строя. В результате такого строительства аэродромов в первые дни войны маневрирование авиации было очень сужено и части оказывались под ударом противника»¹.

Не цитируя этот отчет и пересказывая из какого-то другого источника, Некрич указывает на проблему одновременного начала работ сразу на

---

¹ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2589, д. 92, л. 10.

нескольких авиабазах, и формулировка в итоге получается корректная, вполне соответствующая действительности даже на современном уровне исторического знания. Когда близость нападения Германии стала осознаваться высшим руководством страны, вернуть аэродромы в исходное состояние было уже практически невозможно. Многие взлетные полосы в особых округах были перекопаны и загромождены строительной техникой. Это существенно ограничило маневр авиачастей приграничных армий и предопределило их разгром на аэродромах.

Столь же наивными кажутся сейчас пассажиры про полководческие и провидческие способности репрессированных военачальников. В последние десятилетия завеса секретности была поднята не только над Красной Армией 1941 г. или 1939 г., но и над РККА 1936 г. В этой связи благодатный образ могучей РККА до репрессий, надломленной тираном-параноиком, несколько потускнел. Проблем в вооруженных силах в период до репрессий было как бы не больше, чем в 1941 г. С другой стороны, на своем поле А. Некрич дает достаточно ценную информацию о реакции на политические процессы в СССР со стороны европейских политиков, в частности чехословацкого лидера Бенеша.

Еще один пример добросовестного заблуждения Александра Некрича — это история с полетами немецкой разведывательной авиации. Он был вынужден повторять стереотипное суждение о запрете советским частям открывать огонь по самолетам-разведчикам, пересекающим границу

с сопредельной стороны. Реальная ситуация была намного более сложной. Советские самолеты также пересекали границу, вольно или невольно. У Некрича просто не было возможности ознакомиться с трофейными немецкими документами в так называемом 500-м фонде архива МО СССР. Например, 26 мая 1941 г. в суточном донесении отдела разведки и контрразведки 4-й немецкой армии сообщалось:

«Русский самолет войсковой авиации (истребитель И-16) — ясно видны русские государственные опознавательные знаки — 26.5.41 г. в 11 час. 40 мин. перелетел границу между Нарев в направлении Остроленка на высоте около 2000 м, пролетел над казармами в Войцеховице...

Русский истребитель (ясно виден советский государственный опознавательный знак) в 12 час. 10 мин. пролетел над германской территорией в районе Остров-Маз[овецкий], опустился до 50 м над городом и на высоте около 500 м перелетел через границу в районе Угниево. Время пребывания над территорией Германии составило около 5 мин.»¹.

Понятно, что это могли быть добросовестные потери ориентировки советскими летчиками в процессе выполнения учебных полетов. Отмеченные случаи, скорее всего, были заурядными ошибками в прокладке курса. Снижение же было попыткой сориентироваться. Однако летавшие над СССР немецкие самолеты-разведчики выдвигали ту же версию — потеря ориентировки. Крыть это было нечем.

---

¹ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 586, лл. 62–63.

В июне 1941 г., когда до войны оставались считанные дни, такие полеты продолжились. Так 6 июня 1941 г. отдел разведки и контрразведки 4-й немецкой армии докладывал:

«1) 5.6.41 г. в 11 час. 58 мин. русский самолет, подойдя с севера, на большой высоте перелетел через Буг в направлении Сарнаки (40 км восточнее Седлец);

2) 6.6.41 г. между 10 час. 15 мин. и 10 час. 30 мин. 2 русских биплана типа Р-5 или Р-Z на высоте около 500 м вторглись в воздушное пространство Германии на участке Коморово — Остров-Маз[овецкий] — Угниево. Время пребывания от 3 до 7 мин.»¹.

Не всегда наблюдатели могли разглядеть опознавательные знаки:

«10.6.41 г. в 10.00 час. 3 самолета из России перелетели границу рейха между Биркенберг и Штайнен и через короткое время под Биркенберг возвратились в Россию. Высота полета 1500 м. Одномоторный моноплан»².

Иной раз вторжения были довольно продолжительными по времени. 8 июня 1941 г. немецкий крепостной штаб «Блаурок» (кодовое обозначение группы армий) докладывал:

«В 12 час. 05 мин. перелетел границу русский моноплан. Направление полета: Кольно — Винчонта — Турау. В 13 час. 05 мин. самолет перелетел границу в обратном направлении»³.

---

¹ Там же, л. 45.

² Там же, л. 33

³ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 586, л. 39.

Интересно отметить, что в последних случаях речь явно идет об истребителях. Причины частой потери ориентировки пилотами-истребителями очевидны. Когда пилот не только занят пилотированием, но и вынужден прокладывать курс, ошибки неизбежны. Особенно на незнакомом еще ТВД. Достоверных (по опознавательным знакам) вторжений в свое воздушное пространство советских двухмоторных самолетов немцы не отмечают.

Также немцами фиксировалась активность советской разведывательной авиации, действовавшей без нарушения границы соседа. В донесениях мелькают сообщения типа «два самолета-разведчика барражировали вблизи границы» или «5 русских самолетов-разведчиков пролетели вдоль границы на высоте около 1000 м».

Один из последних отмеченных немцами перед войной случаев пересечения германской границы советскими ВВС был в последний мирный день. В суточном донесении крепостного штаба «Блау-рок» указывалось: «21.6 в 3 час. 30 мин. вторжение 3-х русских истребителей над районом Яновка, 10 км северо-западнее Августов».

Соответственно претензии относительно нарушения советского воздушного пространства наталкивались на встречные претензии о нарушении воздушного пространства «Генерал-губернаторства». Приказ стрелять по нарушителям обернулся бы шквальным огнем «эрликонов» по «одномоторным монопланам» над Остров-Мазовецким с непредсказуемыми последствиями.

Нарушения границы обеими сторонами продолжались до самого последнего момента. В журнале боевых действий (ЖБД) 2-й танковой группы за 21 июня 1941 г. имеется следующая запись:

«17.30 — Доклад от наблюдателей XXXXVII тк — немецкий самолет пересек русскую границу у Колодно (14 км северо-западнее Брест-Литовска), был обстрелян русскими истребителями.

18.00 — 2 русских истребителя и 3 разведчика долетели до Бохукалы (16 км северо-западнее Брест-Литовска), противодействия им не оказано».

Фраза красноречивее некуда: «противодействия не оказано». А. Некрич всего этого не знал и вынужден был строить догадки на основе скурых фраз в мемуарах и официальной истории войны. Разборы в штабах авиасоединений приграничных округов про «блудеж» сталинских соколов с пересечением границы он просто физически не мог тогда прочитать.

Столь же неверны утверждения, что существовал жесткий запрет на поражение нарушителей. Самолеты-разведчики, когда до них могли дотянуться, советские летчики сбивали. Так 15 апреля 1941 г. высотный Ю-86Р из специального авиасоединения «командо Ровель», вылетевший из Кракова для фотографирования в район Житомира, был вынужден снизиться из-за неисправности двигателя. В районе Ровно самолет был сбит советским истребителем из 46-го ИАП. Причем именно сбит, а не потерпел аварию. В упавшем самолете, согласно записи в журнале управления ПВО по учету нарушений границы немецкими самолетами,

было обнаружено пять пулевых пробоин¹. Пилотировал советский самолет флагштурман полка старший лейтенант П. М. Шалунов².

После аварийной посадки пилот Ю-86 унтер-офицер Шнец и наблюдатель унтер-офицер Вальтер были арестованы НКВД. Они успели привести в действие подрывные заряды, уничтожившие камеры и оборудование кабины³, но серьезной уликой против них была обнаруженная в самолете топографическая карта приграничных районов СССР. Именно этот случай пересказывает Некрич на страницах своей книги в интерпретации «вынудили приземлиться». Ага, пулеметным огнем. Немцы со сбитого Юнкерса на допросах утверждали, что всего лишь заблудились в ходе тренировок по слепым полетам. Сбитый Ю-86 нес гражданские опознавательные знаки. Вопреки опять же утверждениям Некрича, летчиков никто с цветами «за ленточку» не провожал. Согласно немецкой версии событий оба были впоследствии освобождены наступающими немецкими частями и вернулись в команду Ровеля.

В общем случае для советских ВВС образца 1941 г. сбить летящий на большой высоте Ю-86Р было непростой, если не сказать непосильной задачей. Драматичный случай, завершившийся потерей сразу двух новейших истребителей МиГ-3,

---

¹ Тимин М. Воздушное сражение 22 июня 1941 г.//Авиация и космонавтика. № 1.2016. С. 13.

² Не вернулся из боевого вылета 7 августа 1942 г.

³ Thomas G., Kettley B. KG200. The Luftwaffe's most secret unit. Hikoki Publications. 2003. P. 28.

произошел в Прибалтике 10 апреля 1941 г. В этот день была предпринята попытка перехвата неопознанного самолета, вторгнувшегося в воздушное пространство СССР на большой высоте. С одного из каунасских аэродромов поднялось звено советских истребителей из 31-го истребительного авиаполка 8-й смешанной авиадивизии. На аэродром в Каунасе вернулся только один из них, пилотирующий младшим лейтенантом Акимовым. Летчик Аксютин приземлился на парашюте, а младший лейтенант Евтушенко разбился в катастрофе. Все три МиГа на большой высоте из-за резких маневров на большой высоте и малых скоростях свалились в штопор, из которого благополучно вывел свой самолет только Акимов. Видимо сказались недостаточный опыт пилотирования новой машины. Погибший летчик Евтушенко на МиГ-3 не летал вовсе, а на МиГ-1 выполнил 13 полетов по кругу, не поднимаясь выше 5 тыс. метров.

Было ли это известно исследователям в 1960-х? Разумеется, нет. Пришлось довольствоваться сомнительными утверждениями в мемуарах Н. Н. Воронова о запретах сбивать германские самолеты-разведчики. Говорит это нам что-то о способностях А. Некрича как исследователя? Нет, это никак не показатель.

А. Некричу, конечно, не удалось избежать собственных ошибок, как мелких, так и крупных. Например, он неверно называет номер пехотной дивизии (74-й вместо 75-го), в которой служил перебежчик Альфред Лисков. 74-я пехотная дивизия в вермахте вообще не существовала, этот номер не

был занят. Т.е. специалисту-международнику даже в голову не пришло проверить, а какие дивизии были на участке, где сдался Лисков? Это не было тайной за семью печатями даже тогда.

Именно Александр Некрич пробудил интерес к проблематике 1941 года и взломал лед, мешавший открытию общественной дискуссии в СССР на эту тему. Владимир Богданович Резун, известный как Виктор Суворов, лишь оседлал горячую тему. Приписывать малообразованному и малограмотному во всех исторических вопросах Резуну открытие темы 41-го могут только люди с очень короткой памятью. «Ледокол» это как писание военрука из школьных и студенческих анекдотов с репризами типа «танк живет на поле боя 15 минут», «молчать, я вас спрашиваю!» и прочим горячечным бредом из глубин давно не воевавшей армии. Сравнить грамотно и хорошим языком написанный труд Некрича с «Ледоколом» просто смешно.

Несмотря на многие десятилетия, прошедшие с 1965 г., книга Александра Некрича не потеряла своей актуальности в наши дни. Это достаточно крепкое академическое исследование, написанное в жанре научно-популярной литературы человеком левых взглядов, доброжелательно настроенным по отношению к Советскому Союзу и тем людям, кто встретил врага у границы. В конце концов сам Александр Некрич стоял в одном строю с ними в 1942–1945 гг.

Алексей Исаев
кандидат исторических наук

ОТ АВТОРА

Мы по праву гордимся великой победой, одержанной советским народом в Великой Отечественной войне над гитлеровской Германией. Победа эта была завоевана в жестоких кровопролитных сражениях. Враг был силен, опытен и коварен. Для его разгрома нашему государству пришлось напрячь все свои силы, мобилизовать все ресурсы, выдержать четыре года тяжелых испытаний. Советский народ вынес на своих плечах главное бремя борьбы с немецко-фашистским агрессором. Самая жестокая из войн, которую когда-либо пришлось вести людям на земле, была нами выиграна.

Легче и проще говорить о победах. Описывать блеск торжественного салюта в честь выигранных сражений, разумеется, приятнее, чем горькую скорбь поражений. Рассказать о последнем дне войны — задача более благодарная, чем о ее первом дне. Война, эта величайшая трагедия, имела не только блистательный конец, но и тяжелое начало. Историк, взявшийся за исследование войны, обязан помнить не только о том, чем она окончилась, но и о том, как она началась. Эти события неразрывно связаны между собой, они не могут быть разделены. О причинах, приведших к поражениям начального

периода войны, нельзя говорить скороговоркой, ибо такой подход не только наносит ущерб исторической правде, не только принижает героизм советских воинов, проявленный ими в начальный период войны, и величие нашей победы в войне, начатой в исключительно неблагоприятных условиях, но и объективно наносит ущерб интересам нашего государства, наталкивая на неверные выводы из тех уроков, которые были преподаны нам историей.

Есть только одна правда. И об этом с суровой прямоотой сказала советскому народу Коммунистическая партия Советского Союза, осудившая на XX и XXII съездах партии серьезные ошибки, порожденные культом личности Сталина¹.

* * *

Эта книга посвящена событиям кануна Великой Отечественной войны. При подготовке рукописи автор пользовался не только опубликованными в нашей стране и за рубежом материалами, но и ценными сведениями, почерпнутыми им из бесед с непосредственными участниками событий.

Автор выражает глубокую благодарность маршалу Советского Союза Ф. И. Голикову, доценту Н. Н. Иванову, генерал-майору И. А. Суслопарову, полковнику Г. П. Сечкину, которые поделились с автором своими воспоминаниями.

---

¹ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. II. М., 1956, стр. 498; XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. III. М., 1962, стр. 220.

22 июня 1941 года

ВОСКРЕСЕНЬЕ

ПОЛДЕНЬ

**И вдруг:
«ГОВОРЯТ
ВСЕ РАДИОСТАНЦИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА...»**

Привычный мир с его обычными радостями и печалью неожиданно распался. Война ворвалась и закружила в своем водовороте миллионы человеческих жизней. Гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз.

1

ПОДГОТОВКА К НАПАДЕНИЮ

**«Мы начинаем там,
где остановились шесть столетий тому назад»**

Шум моторов наполнил улицы маленького города Бастонь в Арденнах. Вздыхая клубы пыли, промчалась колонна автомобилей, покрашенных в грязно-коричневато-зеленоватый маскировочный цвет. На площади, полной солдат, колонна остановилась. В мертвом молчании застыли автоматчики. Из дверей домов выбегали, оправляя на ходу мундиры, офицеры и генералы и замирали в почтительном приветствии. В штаб командующего немецкой группой армий «А» генерал-полковника фон Рундштедта прибыл сам фюрер, Адольф Гитлер. Шел седьмой день германского наступления на Западном фронте.

10 мая 1940 г. немецко-фашистские войска начали тщательно подготовленное наступление на западе. В течение первой недели боев им удалось разрезать фронт союзных армий, форсировать Маас и широким фронтом выйти на французскую территорию. Лишенные стратегического руководства, теряя связь и управление, французские, бель-

гийские и английские войска отступали. Дороги были забиты беженцами. Немецкие пикирующие бомбардировщики с включенными воющими сиренами устремлялись к земле, сея ужас и смерть.

В те дни фашистский главарь, опьяненный успехом немецких армий во Фландрии и во Франции, вновь возвращается к мысли о нападении на Советский Союз. Мир с Англией должен был дать возможность вести войну только на одном, Восточном фронте. Об этом-то и сказал Гитлер 17 мая 1940 г. в ставке Рундштедта. Спустя почти пять лет, в феврале 1945 г., Гитлер признается одному из своих ближайших подручных Мартину Борману: «Моей целью было попытаться прийти к соглашению с Англией для того, чтобы избежать создания непоправимой ситуации на западе. Я всегда утверждал, что мы должны любой ценой избежать войны на два фронта»¹. Но летом 1940 г. военные успехи гитлеровской Германии казались прямо-таки фантастическими. Ведь никто не предвидел столь быстрого и полного разгрома Франции и других стран Западной Европы. Неожиданным оказалось такое развитие событий и для высших политических руководителей: для Черчилля — в Англии, для Рузвельта — в Соединенных Штатах. Не предвидел его и И. В. Сталин. Ошеломляющие успехи фашистского вермахта и были той базой, — правда, как показали последующие события, непрочной, — на которой стали

---

¹ «The Testament of Adolf Hitler». London, 1961, p. 64.

строить новые завоевательные планы и расчеты фашистские главари и их генералы. Отнюдь не случайно, что план нападения на Советский Союз вновь возник именно в 20-х числах мая, в момент, когда разгром французских армий и британских экспедиционных сил казался предрешенным. Судьба, в которую так верили нацистские лидеры, казалось, благоприятствовала их планам. Фашистские главари меньше всего подозревали тогда, что судьба сыграет с ними такую же зловещую шутку, какую сыграла в свое время с Макбетом. И здесь «Бирнамский лес двинулся к Донсинану!».

Гитлер и его ближайшие сотрудники, замышляя войну против Советского Союза, начали подыскивать аргументы, которые оправдали бы в глазах немецкого народа и мирового общественного мнения новую неспровоцированную немецкую агрессию. Ведь Германия подписала в августе 1939 г. с СССР договор о ненападении, а в сентябре того же года — договор о дружбе. Необходимо было сочинить легенду о «превентивной войне», о том, будто бы Германия вынуждена напасть на Советский Союз, чтобы предотвратить нападение Советского Союза на Германию. Такая легенда нужна была хотя бы на первое время, а потом... Победителей не судят. Превентивная война — обычный аргумент, к которому прусские милитаристы охотно прибегали и во время силезских войн, и во время франко-прусской войны, и в первой мировой войне, и при нападении на Польшу в 1939 г. Почему бы не использовать это испытанное средство еще раз? Ведь человеческая

память так несовершенна. Поразительно, что миф о превентивной войне, созданный Гитлером и возрожденный немецкими военными преступниками и их защитниками на Нюрнбергском процессе и на последующих процессах германского генералитета, жив и в наше время. Вернее, эту легенду искусственно поддерживают западногерманские неонацисты и некоторые реакционные западногерманские публицисты и историки. Не так давно, в 1961 г., вышла книга Фабри о германо-советских отношениях в 1939–1941 гг., в которой он пытается придать этой лжи правдоподобный характер. Политическая цель таких спекуляций в наше время ясна: она заключается в том, чтобы оправдать вооружение Западной Германии современным оружием, прежде всего ядерным, якобы для предотвращения «угрозы с востока».

Еще в 20-е годы немецкие фашисты взяли на вооружение «теории» пангерманистов, их планы «Срединной Европы», т.е. безраздельного господства Германии, окруженной странами-сателлитами. Фашисты вспомнили и о стародавней мечте немецких милитаристов о походе на восток, «Дранг нах остен», который доставит немецкому народу «жизненное пространство» и установит на века господство немецкой расы в Европе.

В 20-е годы Адольф Гитлер, сидя в ландсбергской тюрьме за неудачную попытку захватить власть в Баварии, изложил свои политические планы в рукописи, опубликованной в 1926 г. под названием «Майн кампф» («Моя борьба»). Внешняя политика кайзеровской Германии и политика

Веймарской республики, писал Гитлер, должны быть отвергнуты. Германию не могут более удовлетворить границы 1914 г. Только завоевание «жизненного пространства» обеспечит процветание Германии. Только немцы — «высшая раса», сверхчеловеки — могут быть «нацией господ». Только война может принести благоденствие немецкому народу.

«Мы, национал-социалисты, — писал Гитлер, — сознательно отворачиваемся от направления внешней политики довоенного периода. Мы начинаем там, где мы остановились шесть столетий тому назад. Мы покончили с вечным германским устремлением на юг и запад Европы и устремляем свой взор в сторону земель на востоке... Но когда мы говорим сегодня о новых землях в Европе, мы можем иметь в виду прежде всего Россию и подчиненные ей пограничные государства».

Снова и снова подчеркивает Гитлер в этой книге, ставшей спустя несколько лет библией немецкого империализма, что будущее Германии может быть обеспечено «целиком и полностью только за счет России». Обосновывая претензии немецких империалистов, Гитлер нагло утверждал, будто единственным созидательным элементом в русской истории были... немцы! «В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения», — поучал оголтелый расист.

В первые годы после опубликования «Майн кампф» мало кто за пределами Германии был знаком с этой человеконенавистнической книгой. Да

и в самой Германии лишь небольшой круг людей, приверженцев Гитлера, читал ее. Но даже те, кто уже в то время ознакомился с содержанием гитлеровской книги, не принимали ее всерьез, считали планы завоевания мирового господства, изложенные на 750 страницах, всего лишь демагогией.

Несколько лет назад американские историки обнаружили среди трофейных немецких материалов рукопись, посвященную внешней политике Германии. После тщательной экспертизы было установлено, что рукопись принадлежит Гитлеру и написана им, очевидно не без содействия его тогдашнего секретаря Рудольфа Гесса в 1928 г. Изданная в 1961 г. под названием «Вторая книга Гитлера», рукопись содержит немало «откровений», подтверждающих, что главную задачу немецкой внешней политики Гитлер видел в уничтожении СССР и захвате его территории. «Следует искать цель немецкой внешней политики там, — писал он, — где она только и может находиться: [завоевание] территорий на востоке». И в этой книге Гитлер беззастенчиво повторяет ложь, будто все положительное, что есть в России, было создано чужеземцами, и в первую очередь немцами. Этими утверждениями Гитлер рассчитывал идеологически подкрепить немецко-фашистскую политику агрессии и создать у немецкого народа представление о законности немецких притязаний на советские территории. Эти, казалось бы, бессмысленные утверждения вовсе не были лишь бредом маньяка. В них таился яд, которым гитлеровцам в последующие годы удалось постепенно отравить сознание

сотен тысяч, миллионов немцев и затем повести их за собой по пути кровавых преступлений.

«Вторая книга» была прочитана недавно, но «идеи», содержащиеся в ней, повторялись тысячи раз фашистскими пропагандистами.

Вскоре после захвата власти Гитлером некоторые его ближайшие соратники, как, например, председатель данцигского сената Герман Раушнинг и соперник Гитлера, претендовавший на роль лидера фашистов, Отто Штрассер, по разным причинам и в разное время покинувшие своего фюрера и бежавшие за границу, выступили с разоблачениями. Раушнинг и Штрассер опубликовали статьи и книги, которые стали широко известны мировой общественности и, казалось, не оставляли сомнения в том, что планы Гитлера заключаются в установлении мирового господства немецкой расы и беспощадном истреблении или порабощении остальных народов. Одна из его главных целей — война против СССР, уничтожение Советского государства. «Советская Россия, — говорил Гитлер Раушнингу, — как революционное социалистическое государство является врагом национал-социалистических сил порядка, но есть и кое-что большее. Как великое территориальное образование, Россия является постоянной угрозой Европе. Принцип самоопределения также относится к России. Русская проблема может быть разрешена только в согласии с европейскими, что означает с германскими, идеями... Не только русские пограничные территории, но и вся Россия должна быть расчленена на составные части.

Эти компоненты являются естественной имперской территорией Германии»¹. Так говорил Гитлер незадолго до своего прихода к власти. В то время штаб главного фашистского «специалиста» по вопросам сельского хозяйства, будущего министра земледелия Дарре, подготовил доклад относительно немецкой политики на востоке, в котором со свойственной немецким фашистам наглостью производился подсчет благ, которые ожидают «третью империю» после присоединения к ней «восточных территорий». В состав Германии, по плану, представленному Дарре, должны были войти прибалтийские государства, Украина, «кавказские государства». На этих землях устанавливалось господство «германской элиты». План Дарре был обсужден в узком кругу фашистских главарей. Одобрив план, Гитлер заметил: «Здесь, на востоке, находится наше великое поле для экспериментов». Об этих «экспериментах» в плане Дарре было написано: «Страна, населенная чуждой расой, должна стать страной рабов, сельскохозяйственных или промышленных рабочих»².

Итак, гитлеровские планы порабощения народов СССР, расчленения территории Советского государства и беспощадной их эксплуатации были достаточно широко известны.

В последующие годы ненависть к Советскому Союзу и антикоммунизм стали отличительными

---

¹ Hermann Rauschning. Hitler's Aim in War and Peace. London, 1940, p. 27.

² Hermann Rauschning. Gespräche mit Hitler. Zürich, 1940, S. 37, 46.

особенностями немецкой политики и пропаганды. В августе 1939 г., стремясь избавиться от опасности войны на два фронта, Гитлер предложил Советскому Союзу подписать пакт о ненападении. Но Гитлер рассматривал пакт лишь как ловкий дипломатический маневр. Договоры в глазах фашистов всегда были лишь «клочком бумаги» и служили гитлеровской Германии для камуфляжа ее агрессивных планов. В одном из своих писем, довольно редких (фюрер не любил писать писем), датированном декабрем 1932 г. и адресованном полковнику фон Рейхенау, в будущем одному из ведущих командующих армиями фашистского вермахта, Гитлер писал: «Договоры могут заключаться только между партнерами, стоящими на одной мировоззренческой платформе... Политическое сотрудничество Германии с Россией неприятно задевает остальной мир»¹.

В этих словах — ключ к пониманию политических расчетов Гитлера после прихода его (спустя месяц) к власти. Антикоммунизм — вот козырь, который использует Гитлер для укрепления внешнеполитического положения своего режима. Антикоммунизм — вот оружие, которое он пускает в ход против своих политических противников внутри страны. Антикоммунизм — вот приманка, при помощи которой он надеется обеспечить себе поддержку правящих кругов Англии, Франции, Соединенных Штатов. Следует признать, что, ис-

---

¹ «Vierteljahrhefte für Zeitgeschichte». Stuttgart, 1959, № 4, S. 434 f.

пользуя антикоммунизм, Гитлер добился многого на внешнеполитической арене, заставив эти державы сдать ему без боя Австрию и Чехословакию, дать возможность Германии открыто вооружаться, подготовить силы для развязывания войны за мировое господство. Искусно играя на недовольстве немцев условиями Версальского мира, он добился поддержки внутри страны.

Началась война. Рухнула Польша. 18 октября 1939 г. начальник генерального штаба немецких сухопутных войск генерал-полковник Гальдер отметил в своем дневнике слова Гитлера: «Польша является районом для будущих немецких операций»¹. Против кого?

Ответом на этот вопрос может служить выступление Гитлера на совещании генералитета 23 ноября 1939 г.: «Мы можем выступить против России, только когда мы будем свободны на западе».

Мир с Англией?

Вернемся к событиям лета 1940 г. В то время немецкую фашистскую верхушку больше всего беспокоила возможность соглашения между Англией и Советским Союзом. Кошмар советско-английской коалиции преследовал Гитлера все время, с начала кампании на западе. Беспокойство сквозило буквально во всех выступлениях Гитлера перед штабом группы армий «А» в мае — июне

---

¹ «Дневник начальника генерального штаба сухопутных сил Германии генерал-полковника Ф. Гальдера» (далее — «Дневник Гальдера»), 18 октября 1939 г.

1940 г. Генерал-полковник Гальдер в своем служебном дневнике неоднократно обращал внимание на эти высказывания Гитлера. 2 июня 1940 г. Гитлер уже совершенно определенно заявлял, что теперь, когда Англия подготовлена к миру, он «сведет счеты с большевиками»¹. Заявления Гитлера о его намерении вести войну против Советского Союза приветствовались немецкими генералами. В течение июня — июля 1940 г. решение о нападении на СССР продолжало зреть. Из дневника Гальдера мы узнаем, что нежелание Англии пойти на переговоры о мире с Германией рассматривалось нацистской верхушкой как выражение надежд англичан на Советский Союз. В конце июня 1940 г. генерал-полковник Гальдер прилетел в Берлин, чтобы отпраздновать свой день рождения. Здесь он встретился со своим другом, статс-секретарем германского Министерства иностранных дел Вейцзекером, отлично осведомленным дипломатом. Вейцзекер дал понять Гальдеру, что в высших германских кругах готовится решение о нападении на Советский Союз. 22 июля Гитлер в длинной речи в ставке командующего сухопутными войсками фон Браухича вновь и вновь возвращается к теме «Россия — Англия» и отмечает: обе склонны к сближению².

В преддверии нападения на СССР гитлеровская Германия изыскивала способы, посредством которых можно было бы добиться полной дипло-

---

¹ Там же, 2 июня 1940 г.

² Там же, 22 июля 1940 г.

матической и политической изоляции Советского Союза. Вывод Англии из войны любыми методами — военными или невоенными — важнейшая часть этого плана.

На протяжении года, с мая 1940 по май 1941 г., гитлеровская Германия не оставляла надежды добиться заключения с Англией компромиссного мира. Эта установка сочеталась с военными мерами: продолжались подготовка вторжения на Британские острова и сопутствующая этой подготовке воздушная «битва за Англию», активно проводились операции в районе Средиземного моря и в Африке, не прекращались попытки блокировать Британские острова, прервать морские коммуникации Англии. Нацисты широко использовали всевозможные политические и дипломатические каналы. Фашистская правящая верхушка надеялась также опереться на влиятельные антисоветские круги Англии и убедить их, как то было сделано в Мюнхене в 1938 г., что война против СССР отвечает коренным интересам также и английского капитализма. Поэтому Англия не должна мешать Германии осуществить поход на восток. Разумеется, гитлеровцы всячески маскировали свое намерение после завершения «восточного похода» вновь обрушиться на Англию и принудить ее к безоговорочной капитуляции. Добиваясь своей цели, гитлеровцы тщательно собирали информацию о настроениях в правящих кругах Англии и пользовались любой возможностью для установления контактов с Англией. Таких попыток в 1940–1941 гг. было предпринято немало.

11 июня 1940 г., т.е. в момент, когда поражение Франции уже не вызывало никаких сомнений, Гитлер дал интервью фашистскому журналисту Карлу фон Виганду, чтобы оповестить мир, что в его, Гитлера, намерения не входят какие-либо враждебные действия против Западного полушария, т.е. против Соединенных Штатов Америки, что он не желает разрушения Британской империи, а настаивает лишь на смещении с поста английского премьер-министра «поджигателя войны Черчилля». Это интервью стало как бы программой действий немецкой дипломатии на ближайший год. Спустя неделю гитлеровский министр иностранных дел Риббентроп сообщил в доверительной беседе итальянскому министру иностранных дел Чиано, что Англия должна лишь признать как свершившийся факт установление германского господства на Европейском континенте и отказаться от некоторых своих колониальных владений. На этих условиях, подчеркивал Риббентроп, Англия может немедленно получить мир; если же она отклонит немецкое предложение, то будет уничтожена.

Немецкие предложения, как на то и рассчитывали нацисты, были переданы в Лондон до начала франко-германских переговоров о перемирии. 22 июня 1940 г. в Компьенском лесу, в том самом вагоне, где некогда маршал Фош продиктовал условия перемирия побежденной Германии, побежденная Франция подписала франко-германское перемирие. Рассчитывая добиться мира с Англией и побудить Францию к активному сотрудничеству

с Германией в «новой Европе», Гитлер решил не ставить чересчур жестких условий: колонии оставались во французских руках, флот подлежал лишь разоружению, а его личный состав — демобилизации.

Английский ответ оказался для нацистской верхушки совершенно неожиданным. 3 июля по приказу Черчилля английские войска напали на французские военные суда в Оране, Александрии и Дакаре. Французские корабли, находившиеся в английских портах, были захвачены. Англия решила застраховать себя от неприятной и опасной перспективы захвата французского флота немцами или использования его с одобрения французского правительства пораженцев маршала Петэна для войны против Англии.

«Ответ» англичан поверг Гитлера в гнев и смятение. Однако «мирное наступление» продолжалось. 19 июля Гитлер выступил на сессии рейхстага с длинной антианглийской речью. Однако закончил он ее предложением Англии заключить мир¹. В тот же день в столицу фашистского рейха прибыл основатель и глава голландской авиационной компании KLM Альфред Плесман. Он приехал по приглашению рейхсмаршала Геринга. Хотя с внешней стороны идея встречи принадлежала как будто Плесману, на самом деле инициатором ее был Герман Геринг. Опытный и коварный политикан, он и теперь, в условиях войны, старался

---

¹ W. Ansel. Hitler confronts England. London, 1961, p. 152–153.

выставить себя «человеком мира», добивающимся соглашения между западными государствами. Несмотря на то, что 22 июля английский министр иностранных дел лорд Галифакс от имени правительства отверг предложения Гитлера, обсуждение «условий мира» между Плесманом и Герингом продолжалось. На совещании 24 июля были согласованы условия, на которых, по мнению Геринга, Англия и Германия могли бы прийти к соглашению. Эти условия были суммированы Плесманом в подтверждающем меморандуме от 30 июля: Германия настаивала на возвращении лишь своих бывших колоний, утраченных ею в результате первой мировой войны. Германия «великодушно» соглашалась не требовать сдачи английского флота. Однако дальше «условия мира» требовали от Англии признания германской гегемонии в Европе, т.е. как раз того, чего Англия не признавала, не желала, да и не могла признать. Маскировка действительных нацистских намерений выглядела неуклюже: Польша и Чехословакия будто бы не лишались «национального развития», но регулирование оставалось за Германией, а вмешательство других государств не допускалось. Норвегия, Дания, Нидерланды, Бельгия и Франция якобы оставались свободными в выборе форм своего государственного управления и правительства, но этот «выбор» должен был обеспечить их сотрудничество с Германией. Практически это и означало признание германского господства в Европе. Английское правительство не разрешило Плесману прибыть в Лондон. Предложения Плесмана, пере-

данные им через голландского посланника в Стокгольме, после изучения их английским Министерством иностранных дел были отклонены.

Однако немецкие попытки принудить Англию к капитуляции (а компромиссный мир в условиях захвата Германией господства над Западной Европой практически означал для Англии капитуляцию) продолжались. В то же время немецкая авиация усилила опустошительные налеты на Британские острова, чтобы подавить волю англичан к сопротивлению и, воспользовавшись этим, попытаться осуществить вторжение.

План «Барбаросса»

Воздушные бомбардировки Англии и начавшаяся подготовка к вторжению на Британские острова не мешали гитлеровскому военно-политическому руководству обсуждать возможности нападения на Советский Союз.

С конца мая и по конец июля 1940 г. в высших немецких военных кругах происходил оживленный обмен мнениями о том, когда и какими средствами начать войну против Советского Союза. В этих обсуждениях принимали участие руководители верховного командования вооруженных сил и командующие основными видами вооруженных сил: сухопутных войск, военно-морского флота и военно-воздушных сил. План войны против СССР не вызывал ни у кого принципиальных возражений. Немецкие милитаристы давно мечтали об уничтожении социалистического государства.

Теперь Германия была в зените своей военной славы. Момент, казалось, был наиболее подходящим. Имелись и соображения более практического свойства. Командование военно-морских сил крайне неохотно соглашалось на операцию по вторжению в Англию, отдавая себе отчет в том, что флот не в состоянии обеспечить высадку крупных десантов на английском побережье и что сама эта операция может повести к полной гибели немецкого военно-морского флота. Поэтому военно-морское командование в лице адмирала Редера было готово поддержать любую операцию, которая не поставила бы под смертельную угрозу немецкий военный флот. В совещаниях и обсуждениях планов вторжения в Англию и предварительных выкладок нового плана нападения на СССР прошли два месяца.

3 июля 1940 г. Гальдер записал в своем дневнике: «На первом плане стоят английская проблема, которую следует разрабатывать отдельно, и восточная проблема. Основным содержанием последней является: как нанести решительный удар России, чтобы принудить ее признать господствующую роль Германии в Европе»¹.

13 июля 1940 г. на совещании в Бергхофе Гитлер несколько раз подчеркивал, что «Англия все еще надеется на Советский Союз и поэтому не капитулирует». Он полагает, что Англию придется принудить к миру силой. Однако Гитлер несколько неохотно идет на это. Причина: «Если мы разгромим

---

¹ «Дневник Гальдера», 3 июля 1940 г.

Англию в военном отношении, то вся Британская империя распадётся. Однако Германия ничего от этого не выиграет. Разгром Англии будет достигнут ценой немецкой крови, а пожинать плоды будут Япония, Америка и другие»¹. Думал ли он так на самом деле или искал аргументы для объяснения предстоящего отказа от вторжения в Англию, сказать трудно. Однако в середине июля группа оперативных работников немецкого генерального штаба начала разрабатывать план ведения войны против Советского Союза.

По приказу верховного командования была усилена разведывательная работа против СССР. Об этом имеется глухое упоминание в дневнике Гальдера в записи от 18 июля 1940 г.: «Кестринг (немецкий военный атташе в Москве. — А. Н.) выполнил данное ему задание в отношении России»².

22 июля состоялось новое совещание в ставке верховного командования германских вооружённых сил. Позиция Гитлера неясна.

С одной стороны, он настаивает на том, что «подготовка вторжения должна проводиться как можно скорее», с другой — центральной темой его выступлений все чаще становится Советский Союз.

«Англия стремится, очевидно, с помощью России вызвать беспорядки на Балканах с целью отнять у нас источники горючего и парализовать этим нашу авиацию... Русская проблема будет раз-

---

¹ Там же, 13 июля 1940 г.

² Там же, 18 июля 1940 г.

решена наступлением. Следует продумать план предстоящей операции»¹. И генералы докладывают этот план. Какой контраст между лживыми утверждениями Кейтеля и Йодля на Нюрнбергском процессе, будто они выступали против нападения на СССР и будто планирование его началось лишь к осени 1940 г., и теми сведениями, которые нам известны из служебного дневника Гальдера!

На совещании высшего командного состава с участием Гитлера главнокомандующий сухопутными войсками Браухич доложил уже практические выкладки генштабистов по поводу войны с Советским Союзом. Мнение верховного командования сухопутных войск было необычайно оптимистичным. Германии потребуется всего 4–6 недель и не более 100 дивизий, чтобы разгромить те 50–70 русских дивизий, которые являются боеспособными, заявил Браухич.

В записи Гальдера о совещании 22 июля называются и основные цели наступления, а именно: «Разбить русскую сухопутную армию или по крайней мере занять такую территорию, чтобы можно было обеспечить Берлин и Силезский промышленный район от налетов русской авиации. Желательно такое продвижение в глубь России, чтобы наша авиация могла разгромить важнейшие центры России». На этом же совещании называются и ближайшие политические цели, предусматривающие расчленение Советского Союза. В записи говорится о создании «Украинского государства»,

---

¹ Там же, 22 июля 1940 г.